

Анна Поршнева

Приключение длиною в день

третья повесть об обратном оборотне

12+

Анна Поршнева

Приключение длиною в день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66491858

SelfPub; 2021

Аннотация

Третья история об обратном оборотне. Хэм и Василий Петухов отправляются на поиски древа жизни – без его плодов Хэму грозит гибель. А проводником у них загадочный знаток тропинок в сказочных царствах – некий Максим Константинович, в котором проницательный читатель, конечно, узнает кое-кого, прежде чем автор раскроет эту тайну. А чем закончится этот поход сквозь мир арабских, европейских и, конечно же, русских сказок – кто знает...

Содержание

1. Нехорошие предчувствия	5
2. Трагедия	8
3. Бурный вечер	11
4. Проводник	14
5. Все в сборе	17
6. Концентрация волшебства в природе	20
7. Вдоль ограды	22
8. Пески	24
9. Райский сад	28
10. Кто такие дэвы и с чем их едят	30
11. Явление героя	33
12. Красивый ник – залог успеха	36
13. Семиглазая башня	39
14. Битва по всем правилам	41
15. Как избавиться от нежеланной невесты	44
16. Как тут все устроено	48
17. Русалка	50
18. Рассказ девы морей. Ошибка воспитания	53
19. Рассказ девы морей. На самом дне	56
20. Рассказ девы морей. Цена уплачена	59
21. Рассказ девы морей. И что из этого вышло	62
22. Пена морская	64
23. Все дальше от берега моря	67

24. Река Смородина	69
25. Кто там бродит у моста?	71
26. То ли сторож, то ли вор	74
27. И ввысь он вознесся	76
28. За мостом, в неведомо чьем царстве	79
29. Скоро сказка сказывается...	82
30. Страшная—страшная тайна	84
31. Снова дома	87
32. Все хорошо, что хорошо	89
Послесловие	91

Анна Поршнева

Приключение длиною в день

1. Нехорошие предчувствия

Всю неделю шел снег, и Хэм подрядился очищать крыши на Васильевском острове. Собрался он быстро, ушел рано, Даша проводила его веселой улыбкой и ласковым поцелуем и, как всегда, проводив, взглянула украдкой в зеркало, висевшее в прихожей. В зеркале отражалась довольная счастливая девушка. Зеркало лгало. Сегодня Даша не была счастливой. И уж, конечно, не была довольной.

Ее мучили предчувствия неведомой беды. Большой беды. Непоправимой беды. И это были не обычные глупые сомнения насчет того, что вдруг Хэм упадет с крыши или вдруг Хэм попадет под машину, которые иногда ее посещали по утрам. Понятное дело, что Хэм, даже если упадет с крыши, то просто встряхнется и пойдет себе дальше по своим делам. Хэм, он неубиваемый. На нем все заживает почти моментально. А там, где не моментально, там же есть Даша и ее целительная сила. Может, дело не в Хэме? А в ком тогда?

Даша перебирала всех своих близких людей. О том, что

что-то может случиться с мамой или папой, она даже думать не хотела. Бабушку, Марию Михайловну, она видела позавчера, и та была жива-здорова, как всегда, и, как всегда, полна каверз. Кстати, в тот же день она встретила во дворе и Кондратьевну, которая, собирая белье в таз, восхищалась морозной свежестью, которую (ну, конечно!) придал ему целебный зимний питерский воздух. Кондратьевна угостила Дашу козулей, очень вкусной козулей, у которой вместо глаза торчала сморщенная изюмина, и тоже была жива-здорова.

Семья Петуховых? А что может случиться с семьей Петуховых! Нютка, правда, подхватила простуду. Но даже эта простуда, как и все на свете, казалось, были в радость трехлетней малышке. Она сидела на коврике и вместо того, чтобы сморкаться, выдувала носом разноцветные пузыри. Маленькие волшебницы нередко зря транжирят свою силу. Вот Нютка и безобразила, создавая из соплей целые воздушные замки. Рядом с ней, как обычно, лежал Семен Семенович и благосклонно созерцал окружающий мир. Коту о семи жизнях вольно жилось в семействе Петуховых. Правда, он любил иногда обратиться в шимпанзе, особенно, когда был голоден. Обернется, пошарит в холодильнике, достанет что-нибудь съедобное и умнет. Причем ему было совершенно все равно, что он найдет на кухне. Как обезьяна, он мог есть фрукты и сырые яйца, как тигр, легко разгрызал замороженные куски мяса, как птица, клевал пшенку и семечки... Вот

только как змея он ничего не ел, потому что, обернувшись в змею, почему-то всегда был сыт. А в слона и рыбу кот не оборачивался из соображений безопасности (личной и общественной).

Единственным, о ком стоило, пожалуй, беспокоиться в семье Петуховых, был Василий. В этом году он вытянулся, словно бы развинтился во всех суставах, стал неловким и стеснительным, разговаривал с Дашей редко каким-то сдавленным сиплым голосом с небывалыми прежде дерзкими интонациями. Василий так мечтал повзрослеть, но, похоже, начавшееся наконец взросление особо его не радовало.

Нет, не в Петуховых дело! Да и вообще, хватит думать всякую ерунду!

Тут Даша вспомнила, что работу никто не отменял и надо бежать в офис. Она натянула шапочку, надела пуховик, погромела ключами и ушла, оставив свои дурные предчувствия в пустой квартире.

2. Трагедия

Хотела я написать «хорошо вам известный Василий Петухов», да призадумалась. Какой же он хорошо известный, если он совсем-совсем переменялся и на прежнего влюбчивого мальчишку уже вовсе не похож?

Прежде Василий влюблялся легко, любил со страстью, а разлюблял мгновенно и без сожалений. Где теперь те простые времена? Теперь и влюбиться – трагедия, и любить – трагедия, а уж разлюбить – трагедия втройне.

И ладно бы только это! А то ведь изменился не один Василий. Изменились все вокруг, весь мир изменился, стал в одночасье непонятным и опасным, полным непростых решений и всяческих неоднозначных проблем.

Еще год назад Василию все было ясно: вот Оомия, она хрупка и прекрасна, ее надо любить и оберегать. А теперь что? Теперь Василий вырос, теперь он почти взрослый, а японка все та же – девочка двенадцати лет, которая кажется ему маленькой и недостойной серьезной любви. И от этого Василий мучается. Он не может себе признаться, что вылупился из детской любви, как вылупляется дракон из ониксового яйца и не понимает, как раньше его крылатое тело помещалось в этих смешных осколках. Он помнит, как ему было хорошо с девочкой совсем недавно, вот только сейчас, и вдруг с ней стало скучно. Только что она светилась и была

самой прекрасной и желанной на свете, и вдруг стала обычной малявкой.

Василий мучается еще больше от того, что в этот раз (совсем не так, как в прошлые годы), разлюбив, он не влюбился вновь, и новая страсть не ослепляет его несказанной радостью и не пленяет надеждами. Более того – Василий боится влюбиться. Боится разлюбить и разочароваться снова. Боится, что окажется предателем. Боится той боли, которую может причинить, и той боли, которую могут причинить ему.

Чертовски трудно это все объяснить! Да и кому объяснять? Бабушке интересно только, не мокрые ли у него ноги и хорошо ли он поел. Маму волнует успеваемость и предстоящий ОГЭ. Папу – папу вообще ничего не волнует. Папа все время на работе: даже когда дома, он все равно на работе в своем ноутбуке и телефоне. Хэм – добрый мальш, и смог бы помочь, если б Василий сумел ему все объяснить. Но Василий объяснить ничего не может. Слова путаются, язык не слушается, и вместо таких важных для него вопросов подросток обсуждает с другом всякие пустяки.

А самое гнусное – Василий продолжает обманывать Оомию. Та чудесным образом по-прежнему учится в шестом классе, и никто словно не замечает вечную среднешкольницу из года в год изучающую все те же правила и доказывающую все те же теоремы. А Василий продолжает с ней встречаться по вечерам, ходить вместе в кино, гулять по парку, играть в стрелялки... Никак не может ей сказать, что его чувства

изменились.

И кажется Василию, что он попал в силки, которые невозможно ни распутать, ни разорвать.

3. Бурный вечер

И кажется Василию, что он попал в силки, которые невозможно ни распутать, ни разорвать. Вот прямо сейчас кажется, когда сидит он вечером в своей комнате и, изображая крайнюю заинтересованность, обсуждает с Оомией совсем ему неинтересный очередной диснеевский мультик про принцессу. В соседней комнате мадам Петухова играет с Нюткой. Вернее, Нютка разбрасывает подсовываемые ей бабушкой игрушки, в чем ей весьма помогает Семен Семеныч в облике шимпанзе, в бабушка ползает вслед за девочкой под столы и диваны и подбирает разбросанные игрушки. Мама и папа на работе. Оомия щебечет и искоса бросает на подростка нежные взгляды. Василий страдает. Ему кажется, что этот вечер не кончится никогда. И вдруг – звонит мобильник. Даша звонит и кричит в трубку задыхающимся голосом:

– Хэму плохо! Хэм умирает!

И тут уже дело минуты – натянуть ботинки и куртку, бросить бабушке –

– Мне надо к Хэму срочно! – и вместе с японкой, от которой все равно не отвязаться, побежать через мост к метро, позабыв и шарф и перчатки.

Хэм – собака. Хэм лежит на коврике в прихожей. У Хэма тяжело вздымаются бока, а в глазах – страдание. Над Хэмом склонились Марья Михайловна и Кондратьевна и

что-то колдуют. Даша стоит рядом на ватных ногах и шёпотом объясняет ребятам, что Хэм пришел с работы усталый, но, вроде, здоровый, как вдруг обернулся и свалился.

– Помирает. – Марья Михайловна выпрямляется и с состраданием смотрит на внучку. – Может, до утра и дотянет, но вряд ли.

– Сердце у него с дырой, у болезного, – говорит Кондратьевна. – Но ты погоди плакать. – Все ж таки он не простой пес, все ж таки он оборотень. Может, и есть какое средство.

– Как же так? – Даша не верит, – ведь он был совсем здоровый.

– Человек он был здоровый, а собака захворала. Сама знаешь, его жизнь в нашем времени зависит от того, сколько проживет пес. И с этим ничего не поделать.

– Может, и есть средство, – раздаётся голос Оомии. – Может и есть, что поделать. Старые предания говорят, что когда-то все живые твари: и люди, и звери, и оборотни – жили в мире и спокойствии, и смерти среди них не было. А все от того, что питались они плодами дерева жизни. Но потом все разладилось, вошла в их мир зависть и вражда, и ангелы спрятали дерево жизни на самом краю мира. Говорят также, что до сих пор смельчак может добраться туда и в трудной борьбе добыть плод, одного аромата которого достаточно, чтобы прогнать любую болезнь.

– А как туда добраться? – спрашивает Василий.

– Проводник нужен. – отвечает японка. – Только я не

знаю, где его найти.

– А телефон на что? Найдем!

И они начинают звонить. Звонят Ворону и его сыновьям – те не знают. Звонят мадам Петуховой – а той откуда знать, она только охает. Звонят всяким старушкам – ведуньям – знакомым Кондратьевны – те что-то слышали, да толком помочь не могут. Наконец, звонят Лейле. Прекрасная ламия далеко. Она там, где сейчас утро и океан плещется в белый песчаный берег. Она молчит с минуту, а потом говорит:

– Лет двести назад знавала я одного старика, который и в нашем мире был не промах, и по ту сторону был свой, и, кто знает, может, хаживал и на край света. Затейник такой был! Клялся мне в вечной любви. Оставил колечко на память.

Даша сжимает трубку и мысленно лупит ею по голове далекую красавицу. Ну, при чем тут какое-то колечко!

– А колечко при том, – воркует Лейла, словно услышав ее мысли, – что есть в том колечке опал, и если повернуть тот опал вокруг оси, старик обещал вернуться на мой зов и выполнить любое мое желание. Врал, поди. Да и жив ли он сейчас? Впрочем, попробовать можно. Если получится, пришлю его к вам.

Хоть какая-то надежда! Правда, очень ненадежная надежда.

4. Проводник

Друзья Мои, ламиям верить нельзя! Даже бывшим ламиям. Даже таким надежным и проверенным ламиям, как Лейла. И вот почему. Нет, она не солгала про своего давнего знакомого. И про кольцо не солгала. И прислать прислала.

Но кого увидели мои герои, когда открыли дверь? Разве старика? Как бы не так! Перед ними стоял гладко выбритый, прекрасно подстриженный, стройный мужчина непойми сколько лет. Они ни за что не признали бы в нем проводника, если бы он не пришел в туристском костюме, специальной куртке и с полной выкладкой. Даже котелок болтался, притороченный сбоку к рюкзаку.

– Будем знакомы, – сказал он с приятной улыбкой. – Меня зовут Максим Константинович. Я, как это принято выражаться в некоторых кругах, маг вне категорий. Ну, и ваш проводник на ближайшее будущее.

Затем мужчина достал из кармана флакон, протер остропахнувшей жидкостью руки и присел на корточки перед Хэмом.

– Да, сказал он, – не поднимаясь и не поворачивая головы. – Тут все серьезно. Дело в следующем. На край мира я вас препровожу и яблочко с дерева жизни добыть попытаюсь. Но путь этот занимает целый день – с утра до вечера, и никак не меньше. А песик-то ваш совсем плох. Не доживет

ваш песик.

А потом спросил просто, как будто дело шло о стакане воды:

– Ну, кто готов пожертвовать жизнью?

– Я, – сказал Василий.

– Я, – шепнула Даша.

– Девушка сподручней будет. Привык я как-то за последние годы с женским полом работать.

Маг взял пса на руки и пошел в комнату.

– Подушка есть?

– Есть, конечно, – ответила девушка.

– Ну, так бери подушку и ложись на диван.

– Э, ты чего делать собрался! – встрепенулась Марья Михайловна.

– Жизни их делить буду. Своей-то у вашего пса почти не осталось, вот красавица с ним и поделится. А вы следить будете. Потому что я-то буду далеко.

Возражать ему как-то не хотелось. Даша легла, Максим Константинович положил рядом с ней Хэма, так что его голова легла ей на живот.

– Спите, – сказал маг, – и девушка закрыла глаза. Пес тоже расслабился, дыхание его стало ровным, хвост несколько раз слабо вильнул.

– И пусть спят, – продолжал проводник. – Теперь их не добудишься. Теперь проснутся они или к жизни, или к смерти только завтра на вечерней заре. Да и нам спать пора.

– То есть как? – встрепенулась Кондратьевна.

– А вот так, – щелкнул пальцами совсем не старик, – утро вечера мудренее. – И все заснули, кто где был.

5. Все в сборе

Разбудил Василия звонок в дверь. За дверью стояла мадам Петухова с сонными глазами. В руке она держала кошачью переноску, в которой кто-то шуршал.

А дело было так. Почему-то в семье Петуховых никто не озаботился исчезновением Василия. Почему-то мама с папой не волновались. И Нютка не искала старшего брата. И бабушка ничего не заподозрила. Только в пять утра, проснувшись на диване в детской, она вдруг ясно поняла, что внук не ночевал дома. А потом увидела Нютку. Нютка сидела посреди кубиков с азбукой и сосредоточенно строила из них башню. Башня в общем-то была бы как башня, если бы при свете ночника мадам Петухова не прочитала, во что складываются буквы на кубиках.

А там было написано: «иди к хэму». Мадам Петухова потеряла глаза и посмотрела на другие кубики, раскиданные по полу. «возьми сс» – гласили кубики. Мадам Петуховой представился артист Тихонов в форме штандартенфюрера. «Надо было пить глицин», – подумала мадам Петухова, но тут к ее ноге прижался теплый пушистый бок. Это был Семен Семенович. «Возьми меня! Иди к Хэму» – говорила вся его морда.

Ну и, конечно, уже привычная к сверхъестественному бабушка не растерялась. Вообще повела себя собранно и уве-

ренно. Быстро заварила себе кашу в кружке, сделала кофе, поела, записку оставлять не стала – Нютка и так тут со всеми разберется, кота в переноску, и на улицу. Матиз, правда, пришлось откапывать, потому что всю ночь шел снег. Ну, да мадам Петухова еще сильна! И вот она тут, на пороге хэмовой и дашиной квартиры, готовая к любым неожиданностям.

Ну, она-то готова была, а вот Василий, Оомия и Марья Михайловна несколько удивились, когда, вернувшись в комнату, обнаружили Хэма-человека, сидящего на полу и глазющего на Хэма-собаку, мирно спящего в дашиных объятиях.

Максим Константинович деликатно кашлянул и скромно сказал:

– Ну, мы тут поколдовали немного с Кондратьевной, пока вы спали...

– Хэм спасен? – обрадовалась японка.

– Нет. Просто плод с дерева жизни поможет только тому, кто его сорвет сам. Собственными, так сказать, руками. А как он сорвет, когда он – пес, да еще и больной пес. Вот и пришлось их разделить: собачья сущность останется здесь ждать исцеления, а человеческая пойдет со мной за спасением.

Тут Василий хмыкнул, сглотнул слюну, скосил глаза на бабушку и заявил:

– Я тоже пойду!

Мадам Петухова охнула. Семен Семенович в клетке мяукнул.

– Да, пойду! – настаивал подросток. – Я уже взрослый!

Мадам Петухова опустилась на стул, переноска выпала из ее руки и стукнулась об пол, Семен Семенович опять мякнул.

– Пойдешь, – резюмировал Максим Константинович. – Так все вместе и пойдем. Вчетвером, – и открыл переноску. Кот выбежал наружу, обнюхал протянутую руку проводника и громко заурчал.

Марья Михайловна, все это время подозрительно молчавшая, посмотрела на Кондратьевну и сказала низким недобрым голосом:

– Так вот, значит, как, соседка? Вот, значит, какие штуки ты выделывать умеешь? С магами вне категорий наравне колдуешь?

Старушка смутилась:

– Да мы не вместе колдовали-то, – принялась она оправдываться. – Ну, то есть, вместе, да не об одном и том же. Проснулась я, значит, ранехонько, гляжу, этот – она кивнула на проводника, – чегой-то шепчет над болезным нашим. А я и думаю: неправильно в поход-то идти, не позавтракав, как следует. Ну, чего нашла на кухне, того нашла. Блинков вам испекла, творогом начинила, яичек сварила, а этому – новый кивок на проводника, – морковки натерла с изюмом, как попросил. Кушать подано!

6. Концентрация волшебства в природе

А что это – спросит меня любопытный читатель – что это у вас, уважаемый автор, как-то много магов и колдуний на один квадратный метр жилой площади? Можно подумать, что в городе Питере волшебников больше, чем в Хогвардсе. А вот мы бывали в этом вашем Санкт-Петербурге и ничего такого там не заметили. Сосульки видели – сосулук полным полно. Коней бронзовых и львов каменных тоже видели в изрядном количестве, а также видели пробки на кольцевой дороге, торговые центры, кинотеатры-мультиплексы и «Последний день Помпеи» в Русском музее. И массу народа, кстати, тоже видели. Но, между прочим, среди них не было ни одного волшебника, тем более, мага вне категорий. Врете вы все, уважаемый автор, – так скажет мне читатель.

Ну, разве не обидно! Ведь я своего читателя люблю и уважаю, а он костерит меня без зазрения совести. И что я могу ему ответить?

Ты ошибаешься, мой дорогой друг, и ошибаешься вот в чем: ты думаешь, что волшебство видно сразу и всякому, как удар молнии во время бурной грозы. А на самом деле, волшебство, оно другое. Оно словно мелкий грибной дождичек, моросит тихонько вокруг тебя, так незаметно, что ты даже

капюшон не натягиваешь. Капли маленькие-маленькие, совсем не чувствуются.

Но иногда случается событие, вокруг которого волшебство начинает конденсироваться, к которому притягиваются удивительные события и личности, как железные опилки притягиваются к магниту. Вот появился Хэм в семье Петуховых – не рядовое, конечно, событие, но и не потрясающее – ну, обратный оборотень, и что. Но во дворе уже жили две старые колдуньи – и волшебства стало немного больше. Потом Хэм влюбился, а любовь – это тоже чудо. Потом появилась Оомия – и вот уже целое озерцо магической воды разлилось в семействе Пастуховых. Нютка родилась, Семен Семеныч объявился – и уже не озерцо, а полноводное озеро перед нами.

И вот, наконец, пришел Максим Константинович – а ведь он ни кто иной, как... Тсс... Тсс.. Я едва не выболтала вам Самую Главную Тайну автора – тайну, которую надлежит хранить почти до самого конца повествования.

Так что просто поверьте, что в этот раз случилось так, что семейство Петуховых оказалось на краю целого волшебного моря. А во всем остальном Питере, все, как обычно: мелкий серенький дождик чар моросит, и ни один, даже самый внимательный глаз, его не замечает – привыкли все.

7. Вдоль ограды

Поели, собрались, вышли на улицу. Кондратьевна с Марьей Михайловной остались спящих магическим сном оберегать. А на улице все еще темно – еще бы, ведь нет и восьми утра, а день хоть и прибавился, до весеннего равноденствия еще далеко.

Мадам Петухова порывалась всех усадить в свой матиз – да куда там! Разве поместится такая орава в маленькой машинке? Поехали на метро. В метро – час пик. Теснота, духота, очень неудобно всем, особенно мадам Петуховой, к такой толчее не привычной. Один Максим Константинович стоял, как скала, не держась за поручень и внимательно изучая правила проезда в Санкт-Петербургском метрополитене.

Вышли на «Невском проспекте» в сторону канала Грибоедова. И тут вам надо отвлечься от моей истории и слазить в интернет. Найдите в интернете фото Михайловского садика и посмотрите – со всех сторон этот садик обнесен роскошной оградой, в которой переплетаются чугунные цветы и листья. А скреплена эта ограда высокими кирпичными столбами, скорее напоминающими башенки.

Ну, посмотрели? Тогда вернемся к нашим героям. Пешком от метро до Михайловского садика дойти всего ничего – пять минут неспешным шагом. Как дошли до ограды, тут проводник повернулся к мадам Петуховой и говорит:

– Здесь вы останетесь, а мы пойдем дальше. А вы нам платочком машите.

– Каким платочком! – возмутилась решительно бабушка.

– А вот этим, – ответил Максим Константинович, и достал из нагрудного кармана куртки тщательно отглаженный белоснежный платок, в который – это было сразу видно – никто никогда не сморкался.

И осталась бедная бабушка на месте махать платочком и размышлять, как же она объяснит папе и маме Петуховым исчезновение Василя. Но – замечу в скобках – зря она волнуется. Нютка так задурела голову родителям, что те совсем забыли о существовании у них старшего сына, между прочим, подростка, между прочим, подростка с проблемами (да и бывают ли они, подростки без проблем?) – впрочем, это ненадолго: они все обязательно вспомнят на вечерней заре.

А Максим Константинович между тем уже дает указания своим спутникам:

– Чтоб попасть в тридешатое царство, которое, как известно, граничит с краем мира, нужно идти вдоль ограды, никуда не сворачивая. А по дороге следует внимательно считать все цветы на ограде. Пропустишь цветок – оглянешься. Оглянешься – оступишься. Оступишься – собьешься с дороги и никогда уже не попадешь в тридешатое царство! А переноску давай сюда, – говорит он Хэму. – Кота вашего о семи жизнях я сам пронесу. Эх ты, контрабанда!

8. Пески

Мадам Петухова стояла и махала платочком и глядела бесстрашной четверке вслед, пока не налетел щипучий февральский ветер, и на глаза не напоззли теплые слезы. А когда мадам Петухова протерла все тем же платочком глаза, она обнаружила, что наших героев нет. Совсем нет, будто и не шли они неспешным шагом вдоль ограды Михайловского садика всего только полминуты назад. И одновременно женщина почувствовала, как что-то ласковое касается ее правой щеки. Она повернула голову – где-то за старинными домами, за музеями, театрами и набережными, далеко-далеко на востоке встало молодое солнце и протянуло к ней свои розовые лучи.

А между тем, Василий и Хэм даже не заметили, как переместились в тридцатое царство. Может, и не заметили бы еще долго, если бы Максим Константинович не остановился, не поставил переноску и не выпустил кота, который немедленно встряхнулся и превратился в змею. И тут уж совсем нельзя было не увидеть, что вокруг них не снежный Петербург, а жаркая пустыня, на песке которой змея Семен Семенович оставлял хитрые извилистые следы.

– Солнышко-то поднимается! – весело сказал проводник. – А ну-ка, скидавайте ваши куртки да сапоги! – и растянул узел рюкзака. В рюкзаке сверху лежала книга со стран-

ным названием: «Происхождение и история швейной иглы», а из-под книги мужчина вынул три футболки синих и три пары кед белых.

– Это что, – спросил Василий, рассматривая запутанный узел, изображенный на груди футболки, – оберег какой-то?

Старик (давайте, я иногда, из уважения к традиции, буду называть его стариком. Потому что все почему-то считают, что он старик) усмехнулся:

– Какой к черту оберег? Это кельтский узел. Был в прошлом году в Галисии, вот приглянулись футболочки, купил десяток. Только поносить не удалось. Мои не одобрили. Не по чину, говорят.

Кеды оказались впору, а вот с футболками почему-то вышла промашка: проводнику одежда была в самый раз, на Хэме трещала по швам, а на Василии болталась, как на огородном чучеле.

Но Максим Константинович уложил их куртки и свитера в свой рюкзак, который от этого не стал ничуть больше, оглядел спутников довольным взглядом и сказал:

– Ладно, сойдет! Пошли, а то тут, как солнце повыше поднимется, совсем житья не будет.

И они пошли. Легче всего было, конечно, Семену Семеновичу, который по дороге даже умудрился поймать и съесть какого-то грызуна на длинных прытких лапах, которые его не спасли. А хуже всех было Василию: ноги проваливались в песок и каждый раз, вытягивая их с трудом, он словно бы

терял часть своей силы. Между тем и проводник и Хэм шли ровно, словно бы не по рыхлой поверхности, а по асфальту.

– Ну, так нечестно! – воскликнул, наконец, в сердцах подросток, – почему я проваливаюсь, а вы нет?

– Много думаешь, – не оборачиваясь, сказал проводник. – А мысли у тебя тяжелые. Совесть отягощена. А у нас с Хэмом мысли легкие, простые – вот и нам самим все легко и просто.

Василий покраснел, пробурчал какое-то нелитературное слово и вдруг провалился в песок по самые бедра.

Максим Константинович остановился и посмотрел на парня строго:

– Ты тут не безобразь! Не можешь думать о хорошем, не думай ни о чем!

– Да как это возможно! – возмутился Василий.

Маг одним прыжком преодолел разделявшие их пять или шесть метров и стукнул сухим указательным пальцем подростка по лбу. Раздался звон, будто бы разбился стакан, и в голове у Василия вдруг прояснело.

– Ишь ты, – наблюдая с одобрением за новым свободным шагом Василия, проворчал про себя проводник. – Одна любовь на уме! Эх, молодежь! Это ж пески отчаяния, тут, если не остережешься, по самую макушку провалиться можно!

Между тем посреди песков вдруг совсем рядом образовался дивный оазис: прекрасные деревья, ручейки голубой воды, веселое щебетанье птиц и совершенно райские арома-

ты.

– Это что, мираж? – спросил Хэм.

– Если б мираж! – недовольно сказал старик. – Это, брат, хуже, – это первое испытание.

9. Райский сад

Это действительно был сад. В нем действительно цвели розы. В нем на самом деле росли деревья, увешанные сочными плодами. В нем царили прохлада и благодать. Василий немедленно почувствовал и голод, и жажду, и протянул руку к ближайшему персику. Сорвал, и недоверчиво посмотрел на то, что держал в руке – прекрасный, но очень тяжелый, изящно сработанный из драгоценного камня предмет.

– Вот именно, – буркнул проводник. – Вот так всегда и бывает с этими волшебными садами. Ни яблочка съесть, ни винограду ущипнуть – сплошные яхонты, сапфиры и рубины. Даже воды не выпить, потому что она здесь или живая, или мертвая. А обычной воды, чтобы попить, то есть, тут отродясь не бывало. А в центре обязательно пруд и беседка.

– Зачем? – поинтересовался Василий, аккуратно положив персик на траву, которая тоже была не совсем трава.

– А в беседку эту прилетает по утру жар-птица, – все так же ворчливо рассказывал Максим Константинович. – Скидывает, значит, свои перья и обращается в прелестную деву. И купается в этом озере совсем в чем мать родила. Тьфу, – старик сплюнул, – тоска какая! Не люблю я эти арабские сказки, нет в них истинной души. А делать нечего – придется.

– Что придется? – еле слышно спросил Василий, при мыс-

ли об обнаженной красавице покрасневший до самых плечей.

– Придется воровать ее одежду. Выслушивать ее историю. Может, даже жениться придется.

– Мне нельзя, – уверенно сказал Хэм, – я уже женат. У меня Даша.

– И мне нельзя, – обрадовался Василий, – я несовершеннолетний.

– Значит, придется жениться мне, – усмехнулся старик. – У меня никаких препятствий нет. Если, конечно, не считать того факта, что я старый холостяк с весьма бурным прошлым. Такие обычно не женятся. Таким, как говорится, в старости некому будет стакан воды подать.

Между тем, аллея, усыпанная золотым гравием, привела их к изящной беломраморной беседке, в которой, действительно, ворохом лежало отливавшее серебром и перламутром роскошное оперение. Однако пруд был пуст. Только ветер шелестел в листьях, да тихо плескалась о берег вода.

– Ну, надо же! – воскликнул проводник. – Во дела! – И наклонился зачем-то к земле. Когда он выпрямился, на ладони у него обнаружили две иссиня-черные чешуйки, наподобие змеиных. Семен Семенович немедленно перекинулся в тигра и яростно зарычал.

– Дэв. – Сказал печально Максим Константинович. – Нет, ну, вот этого нам только не хватало!

10. Кто такие дэвы и с чем их едят

– Дэвов же не бывает? – нерешительно спросил Василий, – это же сказочный персонаж.

– Обратней тоже не бывает, – грустно ответил Хэм. Семен Семеныч тихо по-тигриному уркнул, не то соглашаясь, не то возражая.

– Как же нету, когда вот они – неопровержимые улики – потряс чешуйками в ладони Максим Константинович. – И самое главное, именно дэв! – старик потряс головой. – Не джинн – джинна можно очаровать, купить, засунуть в кувшин или в лампу, наконец! Не шайка разбойников – с ними всегда можно побрататься и договориться. Нет, именно дэв!

– Да что в нем такого особенного? – возмутился Василий.

– Дэвы – народ темный и необщительный. От того не склонный к переменам и даже всячески переменам противящийся, – вздохнул Максим Константинович. – Поэтому они похищают красавиц и ждут великих героев, чтобы с ними сразиться. Со мной дэв и разговаривать не будет. Кто я для него? Старый колдунишка, да и только. У тебя, Василий, извини, молоко еще на губах не обсохло с дэвами сражаться. Ему вообще нужен, желательно, какой-нибудь сын султана султанов и наследник повелителя повелителей. Хорошо еще, у нас Хэм есть, он подходящий.

– Чем это я подходящий – поднял бровь Хэм.

– Ну, во-первых, бородатый. Борода – главное дело для Дэвов. Во-вторых, длинноволосый. Значит, приходишь от знатных родителей, – Хэм хмыкнул. – И в –третьих, ты сильный. Все-таки с дэвом сражаться перво-наперво силу надо показать. Только если ты к нему вот так на своих двоих придешь, он с тобой и разговаривать не станет. Ну, одежду я тебе, допустим, добуду. Кафтан там, шитый золотом, остроносые сапоги, кольчугу посеребренную, шлем, чернью украшенный. Саблю какую-никакую и кинжал тоже найду. А вот как быть с конем? Настоящему герою конь положен.

Семен Семенович уркнул, уже погромче, отскочил в сторону и кувыркнулся в прыжке. Раз – и перед честной компанией стоит слон. Еще не матерый, правда, слон, с не самыми длинными бивнями, но вполне порядочный слон, подходящий для арабской сказки.

– Эх! – воскликнул колдун и скинул с плечей рюкзак. – Это ж еще ему седло и сбрую, драгоценными лалами украшенную, доставать придется! – и немедленно извлек из рюкзака огромное слоновое седло, расшитое словами арабской вязи, специальный наголовник и поводья, юфтевые сапоги, бархатный кафтан и штаны, шелковую рубаху благородного лазоревого цвета, саблю и кинжал дамасской стали, звенящую кольчугу и горсть перстней, украшенных самоцветами. Рюкзак при этом нисколько не потерял в размерах.

– Ну, что стоите, разиня рты! – одевайтесь! – прикрикнул старик и подал знак Семену Семеновичу. Тот опустился на

колени, а Максим Константинович принялся весьма ловко навьючивать седло и закреплять наголовник, при этом поучая мучающегося с неудобными шнурками и пряжками Хэма: – Ты запомни: ты теперь герой. Ты теперь – храбрец-молодец. Значит должен вести себя нагло и с наездом. По-гопнически, то есть, должен себя вести. Ну, как будто ты в подворотне лопатник у терпилы отжимаешь.

Хэм смущенно улыбался и наворачивал на пальцы перстни.

– Эх! Не те мои годы, а то я бы показал этому дэву, как девиц воровать надо! – вздохнул колдун, и было неясно, собирается ли он на самом деле проучить похитителя или обсудить с ним непростые вопросы умыкания красавиц.

11. Явление героя

– Я что-то есть захотел, наверное, от волнения, – пожаловался Хэм, затягивая малиновый кушак на бедрах.

– Яблочко хочешь? – проводник протянул ему ярко-зеленое яблоко, – или морковку?

– А посущественней ничего нет?

– Вот уже нормальная здоровая еда им не подходит, – старик принялся копаться в рюкзаке. – А это что такое? – он достал небольшой пакетик, из которого остро пахло мясом и сдобой. В пакетике оказалось два жареных пирожка и записка: «Я тут подумала, может, вам есть захочется, внучки, так не обессудьте, что нашла»

– Кондратьевна, – догадался Василий, – только она такие вкусные пирожки печет.

Хэм, между тем, уже завладел пакетиком и жевал один из пирожков.

– С ливером, – сообщил он, энергично двигая челюстями. – Хочешь? – отломил половину второго пирожка и протянул Василию.

– А про меня забыла! – загрустил Максим Константинович. – Вечно все про меня, старика, забывают!

Хэм раскатисто рассмеялся, пихнул проводника в плечо так, что тот покачнулся, и заявил громовым голосом:

– А что тебя, старикашку, помнить! Ты, чай, морковью да

силосом сыт будешь! Ишь, костлявый какой, в чем душа держится, – и загоготал во весь голос. Василий от неожиданности поперхнулся, а потом, непонятно почему, поставил руки в боки и тоже захохотал.

Колдун поднял с земли пакет и принялся:

– Ну, Кондратьевна! Ну, молодец! Долго ли вот только эта ее волшба продлится?

Хэм махнул рукой:

– Да ну ее совсем! Ты лучше скажи, старик, где мы будем этого дэва искать? Говорят, дэвы живут далеко в горах, в высоких башнях, обнесенных неприступными стенами.

– Ну, типа того, – пожал плечами проводник. – Только мы ведь в тридесятом царстве. Тут расстояния по-другому меряются! – и отцепил от рюкзака котелок. Потом опустился на колени, зачерпнул с дорожки горсть золотого песка и принялся котелок натирать. Он котелок трет – а тот растет, как на дрожжах, пока не превратился в огромную купель.

– А ну, все за мной, – сказал Максим Константинович, и залез в бывший котелок. Все и последовали за ним, кроме Семена Семеновича.

– А тебе что, отдельное приглашение требуется? – строго спросил колдун.

– Ну, ты даешь, старик, как же он сюда влезет, – загрохотал Хэм, – он же не поместится! А поместится, так всех нас передавит!

– Не передавит, – буркнул колдун, и точно – ванна разда-

лась, так что стала размером с небольшой бассейн, и слон прекрасно уместился, после чего ванна закружилась, взвилась юлой в воздух и рванула с бешеной скоростью куда-то на восток.

12. Красивый ник – залог успеха

Полет в медной ванне крайне неудобен. Ванна в полете непрерывно гудит и дрожит, и кажется, что она вот-вот рассыплется, и ты ухнешь с высоты на землю, а земля, она очень твердая. Но мои герои вели себя стойко. Стойче всех, конечно был Семен Семенович в виде слона. Он просто зажмурил глаза, поджал уши (насколько может поджать уши слон) и пытался мурлыкать. Мурлыкать, конечно, не получалось, а получалось издавать время от времени утробный рев. Василию было не по себе. Вибрация ванной неприятно отзывалась в животе и вообще, было страшно. Проводник участливо посмотрел на позеленевшее лицо подростка и хлопнул себя по лбу.

– Совсем забыл! Самое-то главное!

– Что? – встрепенулся Хэм, все время, как и положено герою, спокойно сидевший на дне ванной.

– Имя! Ник, как это у вас сейчас говорят. Ник должен быть длинный и красивый.

– Ну, этого мне не занимать, – приосанился Хэм. – Имя у меня подходящее. Эрнст Миллер Хемингуэй – вот как меня зовут по паспорту.

– Правда, по собачьему паспорту, – хохотнул Василий. Хэм метнул на него грозный взгляд и щелкнул кинжалом в ножнах. Да, пирожки Кондратьевны сделали из него героя

хоть куда!

– Имя и вправду подходящее, – кивнул маг. – Только мы его модифицируем чуток. Эрнст – ведь это честный? Значит, будешь Назих. Миллер – мельник, не слишком величественно. Но мельники, они же мелют муку, то есть дробят зерно. Значит, ибн Хашим. Вот с Хемингуэем загвоздка. Что он вообще значит, Хемингуэй этот.

– Это писатель такой, – поспешил пояснить Василий. – Очень успешный. С бородой и трубкой, в свитере.

– Да, у арабов с писателями трудно. Да и с трубками тоже. У них все больше поэты и кальяны... Хм, тогда будешь Шади – певец! Назих ибн Хашим по прозвищу Шади! Согласен?

– Годится, – хлопнул себя по ляжкам обеими руками Хэм. – А этого как назовем, и кто он вообще будет? – и кивнул в сторону Василия.

– А он будет иноземный принц, которого ты освободил из плена разбойников. Вот только-только освободил, так что он и переодеться не успел, – ответил Максим Константинович, критически посматривая на футболку и джинсы Василия. – И вообще он скрывает свое благородное имя, опасаясь преследований коварной мачехи. Поэтому зовут его просто – Царевич. Тем более, что Василий и значит – царь.

– Не, так просто я не согласен, – возмутился подросток. – Что это Хэму такие звучные имена подобрали, а я просто какой-то Царевич?

– Позвучнее, говоришь? – Хитро улыбнулся старик. – Ну,

вот тебе позвучнее – Заглюль. Очень красивое имя. И очень тебе подходящее.

– Вот это – совсем другое дело, – обрадовался свежеиспеченный Заглюль. Красивый ник – залог успеха!

13. Семиглазая башня

Дэв, который похитил красавицу-птицу, обитал не в горах. Башня его, прозванная семиглазой (по числу украшавших ее окон), стояла на острове, со всех сторон окруженном бурной рекой, и высокие стены оберегали башню, делая ее почти неприступной с воды ли, с суши ли... Но не с воздуха! С окрестными джинами у дэва были хорошие отношения, они хаживали друг другу в гости, поэтому нападения с воздуха дэв не ожидал. А зря! За стенами вокруг башни располагался обширный двор, на котором было как раз достаточно места для приземления летающей ванны. Так что ванна благополучно села и обратилась обратно в котелок, после того, как ее покинули пассажиры.

Семен Семенович нежно хоботом обвил стан Хэма (ой, извините, Назиха ибн Хашима, известного также, как Шади) и посадил его себе на спину, после чего деликатно постучал все тем же хоботом в ворота башни. (Ах, какие это были чудесные ворота! Окованные тройным железом, с изображением духов воды, воздуха и огня, с устрашающими надписями на чистом арабском языке, которых, конечно, ни Хэм, ни Василий разобрать не могли, а их высокоученый проводник, если и разбирал, то особо тем не хвастался)

Дверь открыла старая карга.

– Как вы смеее, презренные, тревожить сон моего госпо-

дина, да будут годы его жизни неисчислимы, как пески пустыни Шах! – воскликнула она и выхватила кривой ятаган.

Хэм тут же соскочил со спины слона, обнажив в полете саблю, и клинки скрестились. Бой был славный. Старуха напала – Хэм защищался. Старуха наносила хитрые удары – Хэм их парировал. Старуха пыталась сделать коварную подножку – Хэм так отдал ей большой палец своими подбитыми медными гвоздями сапогами, что бабка охнула. Наконец, она изнемогла и взмолилась о пощаде.

Хэм великодушно подарил ей жизнь, которую, по правде сказать, и не собирался отбирать.

– Иди, – сказал он, грозно раздувая ноздри, – и расскажи своему хозяину, что у его дверей стоит сам Назих ибн Хашим по прозвищу Шади, и друг его Заглюль, и великий колдун и маг – тут оборотень запнулся, потому что проводник для себя-то имени не выдумал.

– Имя которого не имеет никакого значения, – быстро пробормотал колдун.

При этих словах старуха взгляделась в его лицо, вздрогнула, ойкнула и проворно убежала прочь.

– Испугалась! – гордо сказал Хэм. – Знай наших! – А персонаж, известный нам, как Максим Константинович, принялся зачем-то разглядывать пряжку на своем рюкзаке.

14. Битва по всем правилам

Дэв оказался совсем невоспитанным. В башню он гостей не позвал, шербетом не напоил, рахат-лукума и нуги тоже не предложил. Спустился сам вниз и стал серебряной иглолочкой выковыривать остатки сытной трапезы из кривых, но крепких зубов. А, может быть, вы не знаете, как выглядит дэв? Ну, так представьте себе детину метра три ростом, плечистого, клыкастого и остроухого, с иссиня-черной кожей, вернее, даже не кожей, а чешуей. Руки до локтя, ноги до бедер и живот поросли у дэва густой косматой шерстью навряд ли медвежьей, так что штаны ему вроде как и не надобны. Так он и вышел к моим героям без штанов.

Доковыряв в зубах, дэв сплюнул и презрительно прогрохотал:

– Это что еще за мелочь пришла мой покой беспокоить, меня от забав и утех отвлекать. Сейчас дуну, так что вас ветром отсюда за сто верст вынесет!

Хэм приосанился и заорал в ответ:

– Ах ты, сын шакала и вечноголодной! Я, Назих ибн Хашим, за сладкий голос прозванный Шади, вызываю тебя на поединок за честь прекрасной девы-птицы, которую ты, недостойный честного имени, похитил воровским манером и держишь незаконно в заточении!

Дэв взревел, выхватил откуда-то сверкающий меч (вот где

дэвы носят мечи, если ни штанов, ни, тем более, пояса, у них нету – я совершенно не знаю. И не спрашивайте) и кинулся на Хэма. Тот не сробел, обнажил свою саблю и кинжал, и началась битва. Дэв насаждает – Хэм обороняется. Дэв наносит удары – Хэм уворачивается. Дэв теснит – Хэм ускользает. На стороне дэва рост и вес, на стороне Хэма – ловкость и сила оборотня. Бьются-бьются, никто одолеть не может. Наконец, дэв отскочил, поднял руку в знак перемирия и сказал:

– Нет, так у нас ничего не выйдет. Ясно, что в вечном бою мы равны. А давай врукопашную. – Василий напрягся: понятное дело, в рукопашной хитрый дэв задавит Хэма массой. Хотел было друга предупредить, да куда там! Тот разгорячился, кровь в нем играет, подрасться охота – согласился на рукопашную. Отбросили мечи, взялись за пояса. Вы сумо видели? Там бывает, что самый маленький якодзуна целую гору мяса одолевает. Вот и тут так. Дэв, конечно, велик, но оборотень больно ловок. Кажется, ничего не стоит его придавить, но только кажется. Опять никто верх не возьмет! И тут Максим Константинович откашлялся и предложил тихим голосом:

– А давайте на заморский хитрый манер биться?

– Это как? – удивился дэв, да и Хэм стоит в изумлении.

– А это, как на далекой Руси ведется: хватайте противника да вбивайте его со всей силы в землю.

Дэву такая манера боя понравилась, Хэм тоже не прочь. Схватил дэв Хэма поперек туловища да и вбил его в землю

по щиколотки. Хэм крикнул, взял противника за талию да как швырнет – тот враз по пояс в земле оказался.

– Нечестно! – орет дэв – это ему его колдун помогает, землю смягчит, чтоб она, как глина была. Эй, старуха Шагалтай! Помоги мне, окаменей землю, чтоб прочней гранита стала!

– Слушаю и повинуюсь, – сказала хитрая Шагалтай и глазами чуть заметно в сторону мага повела. Дэв-то думал, что из твердой земли ему легко выбраться будет – да не тут-то было. Обхватил его со всех сторон ледяной гранит, давит ноги, сжимает живот, тяжело дышать да и холодно. Делать нечего, пришлось сдаваться.

– Силой ты меня не взял, а взял хитростью, – проворчал дэв, когда его освободили.– Но хитрость в воинском деле также важна, как и сила. Так что я на тебя не в обиде. А ты, глупая старуха, давай, тащи сюда девчонку!

И Шагалтай вывела из башни закутанную в черное покрывало фигурку. Василий во все глаза глядел, пока покрывало снимали – чудилась ему восточная гурия в прозрачных шароварах. А под покрывалом оказалась действительно девчонка, может, годом старше Оомии – тощая и глазастая.

В общем, что долго говорить – погрузились в ванну да и полетели обратно в дивный сад.

15. Как избавиться от нежеланной невесты

Всю дорогу девчонка липла к Хэму. Всю дорогу она рассказывала, какой богатый падишах ее отец, и как он рад будет храброму зятю. Хэм, на которого уже не действовала волшебная сила пирожков, и который стал обычным скромным Хэмом, отнекивался и говорил, что у него уже есть жена, любимая.

– Это ничего! – тараторила девчонка. – Такому великому воину полагается много жен. Та будет любимая жена, а я вторая. Я не в обиде – второй женой тоже почетно быть.

Ну, что тут поделаешь! Прилетели в сад, зашли в беседку...

– Ой! – вскрикнула девушка, – а где же мое оперенье серебряное да перламутровое!

– Украли, – констатировал маг. – Свистнули, пока мы с дэвом валандались. Ох, уж эти восточные сказки! Придется теперь нам искать похитителя.

Девчонка всхлипнула.

– А он, небось, не просто так украл. Он, небось, будет вознаграждения требовать. Прекрасную принцессу и полцарства в придачу.

– Какую принцессу? – разревелась девчонка.

– Тебя, конечно. Ну, ладно, сиди тут пока в беседке, а мы пойдем, поищем в округе, может, найдем кого.

И снова сели в ванну. Да недолго пролетели. Смотрят: внизу, среди песков, скачет на коне какой-то витязь. Ничего себе такой витязь, молодой, стройный и веселый.

Ванна снизилась, а витязь придержал коня, потому что был понятливый малый и знал, что просто так летающие ванны ни на кого не обрушиваются.

Максим Константинович, между тем, повел такие речи:

– О доблестный и прекрасный незнакомец! Знай, что я – великий маг и волшебник – и мои друзья и спутники странствуем тут в поисках края мира, и переживаем различные приключения. И так случилось, что увидел я тебя, и сердце мое возрадовалось. Вот – сказал я себе – юноша, судьба которого высока, и который создаст великое царство и сокрушит всех своих врагов. Надо ему помочь! – тут старик развязал свой таинственный рюкзак и достал прямо из-под книги о происхождении и истории швейной иглы сияющее серебряное (и перламутровое) оперение.

Не давая встречному всаднику опомниться, он протянул ему перья и сказал:

– Знай, что в двух лигах езды отсюда на север расположен заколдованный сад, где вместо персиков и яблок на деревьях растут лалы и яхонты. Ступай туда, но плодов не рви, ибо не за богатством ты пришел туда, а за дивным дивом. В центре сада, в беломраморной беседке ждет тебя дева потрясающей

красоты. – Василий зажал рот, чтобы не рассмеяться. – Покажи ей оперенье, но не отдавай, покуда не согласится она стать твоей женой и не отведет тебя в царство своего отца, великого падишаха.

Витязь принял оперенье и спросил, чем он может отблагодарить колдуна за такую щедрость. Тот улыбнулся и скромно сказал:

– Ничего мне не надо от тебя, о благородный юноша, ибо действую я исключительно из симпатии к тебе и потому, что душа моя вообще склонна к благодеяниям.

На сем с витязем распрощались.

В ванну садится не стали. Ванна обернулась вновь котелком, и старик приторочил ее к своему волшебному рюкзаку.

– Вот, – наконец ответил он на молчаливые вопросы Хэма и Василия, которые они хотели задать, да не решались. – Вот за что я не люблю арабские сказки. За дэвов тоже не люблю, но все-таки с дэвами можно сладить. Вот за эти свадьбы на каждом шагу не люблю! Разве можно так жениться и замуж выходить с бухты барахты! Сватовство – дело серьезное. Невесту тщательно выбирать надо, жениха – еще тщательней. А у них тут все проще пареной репы. Перья, понимаешь, украл – и уже жених! Никакой осторожности.

Семен Семеныч, кстати, во время этой речи обратился снова в змею.

– Однако, – сказал Максим Константинович, взглянув на небо. – Уже полдень приближается. Поторопимся, друзья! –

и мои герои зашагали вслед за проводником.

16. Как тут все устроено

– А вот я не понимаю, – сказал наконец после значительного отрезка пути, который прошли в молчании, Василий. – Почему здесь всего лишь полдень, когда мы вон сколько всего успели понаделать? Вообще, почему еще полдень, если мы уже часа два шагаем без передышки?

– А потому что это тридесатое царство, – отозвался проводник. – Тут время не всегда существует.

– То есть как?

– Ну, вот когда ты подвиг совершаешь, или что-нибудь значительное – время движется. А в промежутках – стоит на месте. Если б не это обстоятельство, то как бы мы до края мира дойти за один день сумели? Никак бы не сумели.

– То есть мы можем так хоть сто километров пройти, а времени не убудет?

– Угу. И проголодаться ты не сможешь, и не устанешь, и кроссовки твои не сносятся, и брюки в ходу не протрутся.

Василий задумался, подумал-подумал, и вдруг его осенило:

– Так если с нами ничего не произойдет, то мы в секунду до края мира дойдем, плод с дерева жизни сорвем и обратно вернемся?

– Ишь куда хватил! Как же это может быть, чтобы в тридесатом царстве и ничего не случилось. Мы же в сказочной ре-

альности находимся! Тут же беспрестанно что-нибудь происходит!

– А, – понял Василий, – то есть добро побеждает зло?

Максим Константинович крикнул:

– Ну, это, как сказать... Все ж таки тут, хоть сказочная, а реальность... Это в сказке все кончается на том, что Иван-царевич женился на Марье Моревне, и там по усам текло, а в рот не попало... А тут...

– Что тут? – заинтересовался Хэм.

– А тут, братцы, вот как получается: братьев он своих обскакал, поперек старших в отцовскую милость попал, ну и начинается междоусобица, какой свет не видывал. Иван-царевич с поддержкой старичка-боровичка, бабы-яги и прочей волшебной силы, братьев, конечно, одолеет, всем их сторонникам головы с плеч срубит и далее царствует мирно. Но вот можем ли мы сказать, что это добро восторжествовало в данном случае? Вот в юридическом аспекте? Порядок престолонаследия нарушен, вмешательство сил извне в дела государства налицо!

– Нет, значит, и тут справедливости, – вздохнул Василий.

Маг пожал плечами:

– Справедливость – понятие субъективное. Что мне хорошо, то какой-нибудь Василисе – тоска лютая.

Между тем, повеяло прохладой, и неожиданно, как то бывает только в сказке, перед героями развернулось огромное синее море.

17. Русалка

– Теперь вдоль моря пойдем. – Сказал проводник. – Только вот налево или направо? Хоть бы камень какой, что ли поставили. Ну, типа: «Прямо пойти – утоплену быть. Налево пойти – женату быть, направо пойти – богату быть»...

– А пойдемте направо? – предложил Хэм. – Вдруг, и вправду, богатыми будем?

– Нет, – возразил старик, – пойдем налево. В сказке богатым быть невыгодно. Всегда найдется какой-нибудь Ходжа Насреддин или хитрый солдат, который тебя вокруг пальца обведет. А жениться – это мы еще посмотрим. Не нашлась еще пока та девица, на которой захотел бы я жениться, – неожиданно пропел он на мотив опереточной арии.

– А вот эта? – зачарованно спросил Василий.

Тут оборотень и колдун повернулись посмотреть, на что указывает подросток и увидели сидящую в нескольких метрах от них девушку. Это была очень красивая девушка! Тоненькая, изящная, зеленоглазая и золотоволосая, одетая в простое белое платье, она, казалось, совсем не замечала приближающихся к ней мужчин и играла с длинным жемчужным ожерельем, несколько раз обвивавшим ее стройную шею.

Подойдя поближе, мои герои увидели, что из глаз девушки катятся крупные слезы, так что даже ворот ее платья и

локоны, обрамлявшие лицо, были уже мокрыми. И вообще девушка была невесела.

Максим Константинович откашлялся – красавица не обратила на него никакого внимания.

Максим Константинович хмыкнул довольно громко – та не подняла лица.

Наконец, Максим Константинович заговорил голосом, которому постарался придать мягкость и нежность (правда, это у него не очень получилось, потому что по природе своей его тембр был хрипловат):

– О чем ты плачешь, о прелестное дитя? Расскажи нам, и, может быть, мы сумеем тебе помочь.

Девушка всхлипнула и сказала тихо:

– Я плачу, потому что я совсем не дитя. Собственно говоря, я уже старуха, и сегодня в три часа пополудни я должна умереть. Так что у меня есть еще пара часов, чтобы поведать вам свою историю. Вряд ли меня утешит, если кто-нибудь узнает про мои приключения, но, может быть, хоть память обо мне останется, когда мое тело превратится в пену морскую...

– В морскую пену! – воскликнули одновременно Хэм и Василий.

– Да. Ведь я русалка, дочь царя морского, а мы после смерти возвращаемся в море, из которого вышли когда-то...

Колдун понимающе кивнул, и герои мои уселись вокруг красавицы в кружок, причем Семен Семеныч отчего-то об-

ратился в обезьяну и обнял Василия за шею.

18. Рассказ деви морей. Ошибка воспитания

Давно прошли те времена, когда семья морского царя была многочисленной и шумной, когда в подводном царстве закатывались обильные пиры, а деви морские, числом не менее тридцати, плавно выплывали в торжественном танце, и хвосты их были украшены перловицами (обычай довольно жестокий, так как раковины больно впивались в нежную девичью плоть, но старинный, и от того уважаемый, как традиция). Уже к веку восемнадцатому, когда у людей еще было много детей, у морского царя не осталось никого. Не знаю, в чем там было дело. Может, в том, что у морского царя вовсе не было морской царицы, и дети его зарождались волшебным образом из океанской воды и солнечного света? Может, что-то разладилось в этом хрупком магическом процессе? Океанская вода стала не так чиста и не так солонa, солнечный свет утратил прозрачность и тепло? В общем, случилось еще только однажды, что на заре поднялась из волн златокудрая головка, и раздался чарующий голос, какой бывает только у русалок.

Царь морской, конечно, ужасно обрадовался, и избаловал малышку донельзя. Какие там перловицы! Лучшие кораллы и отборный жемчуг украшали головку, шею и руки его до-

чери. Сокровища всех утонувших кораблей были ее игрушками, и не существовало такого обитателя водной пучины, будь то гигантский синий кит, или мельчайший рачок, который бы не был к ее услугам.

Все, что пожелает, могла получить юная царевна. Все, кроме правды. Ибо царь морской, чтобы не печалить единственную дочурку, повелел хранить от нее в тайне грустную судьбу русалок. Дело в том, что прекрасные девы не были вечны. Ровно триста лет, оставаясь все так же молодыми и прекрасными, могли резвиться они на просторах океана, а потом их белые тела обращались в пену, и ни следа не оставалось от их дивной прелести, будто и не было ее никогда. А происходит это от того, что у русалок нет души, которая могла бы пережить их тело. Так уж распорядилась судьба, и ничего с этим не поделаеть.

И так в неведении прожила русалочка шестнадцать лет, не зная печалей и скорбей, только веселясь и забавляясь. И, по правде сказать, стала она взбалмошной и жестокой. Обитатели моря не любили с ней играть, потому что она придумывала обидные дразнилки, щипала их, велела морскому ежу колоть иглами нежных стеллеровых коров, а электрическому скату поражать своими смертоносными ударами веселых золотых рыбок. В общем, никому не приносила она радости, и только из уважения к отцу, океанские твари терпели ее выходки.

И, конечно же, однажды случилось такое, что поймала ру-

салочка в сеть молодого афалина. Мать и отец его приплыли тотчас и стали умолять отпустить их дитя. Но русалочка лишь рассмеялась, и увлекла сеть с трепещущим дельфиненком на самое дно морское, где он и умер от ужаса и удушья.

Отец-афалин вскипел от гнева и прокричал на все море:

– Пусть и велик твой отец, о жестокая дева, но есть сила много больше его, и она устанавливает законы и в этом мире, и в том мире, куда мы все переселяемся после смерти! Так знай же: также верно, как то, что сын мой сейчас снова весело играет в волнах божественного моря, то, что тебе-то путь туда заказан навсегда! Число лет твоей жизни определено навсегда, и как ты ни старайся, спустя 284 года ты станешь обычной морской пеной, которая бесплодно бьется о песчаные берега и исчезает без следа!

19. Рассказ девы морей. На самом дне

Русалочка была в ярости. Почему никто не рассказал о ее судьбе? Почему ей заказан путь в иной мир, куда переселятся даже устрицы? Почему ее отец, грозный царь морской, не может за нее заступиться? Она металась по океану и спрашивала всех и каждого, что ей делать. Но те только отводили глаза и бормотали, что так уж устроено в мире и ничего с этим нельзя поделать. Наконец, один старый, и от того разросшийся до невероятных размеров кальмар просвистел ей своим щелкающим голосом:

– Ступай к ведьме! Когда-то давно, когда семейство твоего отца было еще обширно, она помогла одной из русалок стать человеком и обрести душу. Конечно, теперь она стара и нет в ней прежней силы, но, кто знает, может древняя колдунья тебе и поможет. Не из жалости, так из жадности. А живет она на самом дне самой глубокой впадины, известной под названием марракотовой бездны

Среди богатств и чудес мира надводного, отобранных бурным морем у человека, была одна редкость воистину гигантской ценности. Это был алмаз размером с кулак взрослого мужчины, не ограненный, но такой невероятной чистоты и прозрачности, что падавший с небес свет разбивался в его

глубине на сотни лучиков и играл всеми цветами радуги и – как казалось – даже теми цветами, которых нет в привычном нам всем спектре. Этот-то алмаз и взяла с собой русалочка, когда решила погрузиться в марракотову бездну. Уже на полпути погрузилась она в непроглядную тьму, но продолжала спускаться. Невероятные невидимые твари, которые, если бы она могла их увидеть, напугали бы ее до смерти, касались ее плечей и хвоста, нашептывали ей в уши ужасающие тайны. Но не до того было русалочке! Бесстрашно она погружалась все глубже и глубже, пока впереди не забрезжил еле-еле гниlostный зеленый свет.

Жилище ведьмы было окружено останками множества рыб, которые, разлагаясь, и производили то мертвенное сияние. Ведьма давно уже отошла от дел, гостей не приветствовала и не заботилась даже о том, чтобы принять привлекательный образ, как она делала в прежние времена. Костлявая до такой степени, что даже грязный балахон, окутывавший ее, не мог скрыть худобы, сидела она за столом, потягивая какое-то мерзкое пойло. Одна рука с длинными кривыми когтями сжимала драгоценный кубок, другая взбивала спутанные совершенно седые волосы. Ведьма подняла тяжелые темные веки и взглянула на русалочки обесцветившимися от долгих лет глазами:

– Что тебе надо, отродье того, кто считает себя царем морским? Я больше не имею дела с такими, как ты. Ничего мне не надо от тебя, и тебе не должно быть надо ничего от ме-

ня. Ступай туда, откуда пришла – к трижды ненавидимому мной свету!

Но русалочка бесстрашно приблизилась и протянула старухе алмаз, который в свете гнилушек уже не был так красив, и по правде сказать, казался обычным булыжником.

Старуха закаркала – так она смеялась – и воскликнула:

– К чему мне этот мертвый камень? Здесь не имеют цены богатства вашего мира... – но все же взяла алмаз и обнюхала его с удовольствием. – Чую, – сказала она, смягчившись, – много крови на нем, много смертных грехов и горьких слез. Что ж, может быть, я бы и захотела владеть им, чтобы распутывать постепенно цепь предательств и преступлений, совершенных из-за него... Может быть, он мог бы принести веселье моей старой душе! Чего же ты хочешь в обмен, девка?

И русалочка высказала ей свою просьбу.

20. Рассказ девы морей. Цена уплачена

Выслушав девушку, ведьма опять закаркала, а отсмеявшись, сказала:

– Ну, ты насмешила меня, отродье того, кто называет себя царем морским. Пришла искать душу в жилище ведьмы! Ну, разве это воистину не смешно! – и еще долго каркала в свое удовольствие.

– Неужели нет способа для меня перейти в жизнь вечную! – в отчаянии вскричала русалочка.

– Есть, конечно. Подойди-ка поближе, я прошепчу этот способ тебе в твое прелестное ушко.

– Видишь ли, тот, кто на самом деле является царем в этом, да и в том мире, тот, кто эти миры создал и установил законы, ими управляющие, он очень щедрый малый. Он позволяет жить и радоваться даже таким презренным тварям, как ты да я, вот насколько он великодушен! И по щедрости своей он наделил растения и животных маленькими душами, а людей – большими. Не просто большими – способными стать огромными, и объять собой весь мир, и вместить в себя весь этот мир вместе со всеми тварями, даже такими презренными, как ты да я. И становится такой огромной душа от любви... – Ведьма опять закаркала, а, прокаркавшись,

продолжала. – Тебе всего лишь остается найти мужчину, достаточно глупого или страстного, чтобы отдать свое сердце тебе. А отдав тебе сердце, он поделится с тобой и душой. Вот и все, моя прелесть, вот и все...

И старуха, довольная, откинулась в своем кресле, так что кости ее грохнули об его каменную спинку.

– Но ведь для этого нужно выйти к людям на сушу! – возмутилась русалочка. – А как я выйду, если вместо ног у меня хвост, если воздух земли тяжек мне, и я привыкла вольно жить лишь под водой!

– А вот за это ты, красавица, и отдашь мне свой алмаз. Есть у меня ножичек – волшебный ножичек, древний, сделанный еще из кремня в те времена, когда люди еще не были хозяевами земель, – я рассеку им твой хвост, и он обратится в пару весьма стройных ножек. Да, эту услугу я когда-то оказала одной из твоих старших сестер. Но, по правде сказать, она мне не нравилась – была мягкой и уступчивой, доброй и милосердной... Поэтому я сделала так, что каждый шаг на земле резал ее нежные ноги, словно бритва. А ты – совсем другая. С тобой я так не поступлю, не бойся. Что же до тяжелого воздуха земли – дам я тебе кусочек губки – ты его проглотишь, и внутри у тебя он в один миг разрастется в самые настоящие человеческие легкие. Всего и делов-то! Ну, что, красавица, дать тебе время до вечерней зари, чтобы ты могла попрощаться со своим отцом, с тем, кто считает себя царем морским?

Но русалочка нетерпеливо покачала головой и потянула ведьму наверх, к свету земли.

И так и случилось, что на закате, когда море сияло опаловым светом, морская дева обрела возможность ходить и дышать на суше. На прощанье ведьма протянула ей нить и сказала:

– Запомни самое главное: мужчины хитры, и такой красотке, как ты, каждый из них будет клясться в любви и шептать нежные клятвы. Не верь никому! Истинно влюбленный подарит тебе ключ от своего сердца, который откроет тебе доступ к его душе. Ключ этот будет похож на жемчужину. Нанижи перл на эту нить, чтоб, когда придет время, воспользоваться им и перенестись в царство божие!

И ведьма засмеялась в последний раз, и на земле ее карканье было еще противней, чем под водой, а затем, не прощаясь, погрузилась на океанское дно, и больше уже с русалочкой никогда не встречалась.

21. Рассказ девы морей. И что из этого вышло

Тут бывшая морская дева, конечно, думала, что у нее начнется какая-то волшебная жизнь, полная приключений, и любви. И в общем, так все оно и вышло. Русалочку почти сразу же подобрал на берегу какой-то заезжий маркиз, немного потасканный, но вполне еще годный для чистого чувства. Подобрал, влюбился, женился, и на нитке, подаренной ведьмой, расцвела прекрасная розоватая жемчужина. Но маркиз очень быстро надоел русалочке. Маркиз был не очень-то богат, и не пользовался популярностью среди окрестного дворянства. Маркиз предпочитал замкнутую жизнь в деревне и вообще оказался простой душой, а простые души русалочку не прельщали. Ей хотелось чего-то такого, выдающегося... И она сменила своего верного маркиза на какого-то великосветского хлыща. Хлыщ ее не любил, да и никого, кроме себя, не любил, но через него красавица познакомилась с престарелым принцем крови, который был очарован ее юностью и свежестью и украсил нить очаровательным перлом редкой серой окраски.

И тут русалочка поняла, что получить одну жемчужину — это скучно и банально. Надо собрать целое ожерелье, чтобы потом, когда настанет время, она могла выбрать себе самую

красивую, самую ценную душу, и завладеть ею окончательно и навсегда.

Герцогов сменяли революционеры, революционеров – великие полководцы, полководцев – романтические поэты, поэтов – художники-новаторы, художников – оперные певцы, оперных певцов – звезды кино, а звезд кино... А звезд кино никто сменить не успел. Время кончилось. И вот русалочка сидит на берегу моря, перебирает свою, полную жемчужин дивной прелести нитку и не знает, что делать.

Она прервала рассказ и подняла на Максима Константиновича прекрасные, яркие, как море, глаза:

– Проклятая ведьма не сказала мне самого главного! Как воспользоваться этими ключами, – она тряхнула ожерельем, – и обрести, наконец, душу?

– Да, – согласился маг, – самого главного ты не узнала. Как жаль! Такая красавица! Повстречалась бы ты мне хоть пятьдесят лет назад, может, я бы и сумел тебе помочь. Может, и воспитал бы тебя...

Русалочка прервала его презрительным смехом:

– Знаю я, как вы, старички, воспитываете девушек!

Проводник пожал плечами:

– Что тут говорить, уже поздно.

– Да, – согласилась русалочка, – уже поздно. Через пять минут будет три пополудни, и придет мое Овремя обратиться в пену морскую.

22. Пена морская

– А может, – вдруг встрепенулась морская дева, – может, еще не поздно! Может, кто-то из вас полюбит меня и отдаст мне свою душу прост так, без ключей и волшебства?

Хэм потряс головой и опустил глаза.

Василий взглянул на девушку – она была хороша. Она была прелестна, как только что распустившаяся ароматная роза, желанна, как прозрачный ручей в жаркий день, и она была несчастна, а Василий не мог вынести, когда кто-то рядом с ним был несчастен. В груди у подростка защемило, и на минуту показалось, что душа вообще ничего не значит, когда такая прекрасная девушка попала в беду, и он уже хотел согласиться, как вдруг Максим Константинович положил ему руку на плечо, и все поблекло.

– Ну, уж нет! – сказал маг строго. – Эти души я тебе не отдам, и не надейся! Да и тем, другим, – он кивнул на ожерелье, – по-моему, пора дать покой.

Русалочка ничего не сказала. Она только крепче сжала свое сокровище, вскочила и бросилась к воде. Секунда – и она уже плывет в открытый океан, все удаляясь и удаляясь.

Хэм ахнул:

– Она же их погубит, бессердечная тварь!

Но не успел он сказать эти слова, как Семен Семенович обернулся в тигра и поспешил за русалочкой. Сперва в вол-

нах мелькала его рыжая полосатая спина, потом сменилась блестящей чешуей – и огромная рыба кинулась в погоню.

Между тем, где-то уже довольно далеко от берега раздался пронзительный крик – и моим героям показалось, будто морская пена окрасилась в нежный розовый цвет, напоминающий цвет девичьего тела.

А потом вернулся Семен Семенович, гордо неся сперва в рыбьей, потом в тигровой пасти жемчужное ожерелье.

– Да, – сказал Максим Константинович. – Триста лет она прожила, а так ничего и не поняла. – Хэм согласно кивнул.

– Чего не поняла-то? – Взволновался Василий.

– А вот того, что даже ты, мой юный друг, давно знаешь, – маг упаковал ожерелье в свой необъятный рюкзак. – Любовь – она не затем, чтобы брать. Любовь, она, чтобы отдавать. Вот если бы во всех ее приключениях хоть один раз она захотела не забрать чужое, а подарить свое, тогда, возможно... Но, что теперь говорить...

Василий, жутко всю дорогу мечтавший узнать, кто такой их проводник, решил воспользоваться моментом:

– А вы, – спросил он самым простодушным голосом, – вы когда-нибудь любили?

– А как же! – весело отозвался маг. – Любил однажды, когда был почти так же молод, как ты, и, возможно, раз в десять тебя глупее, – тут старик вздохнул, и вместо того, чтобы поведать трогательную историю своей любви, сказал доверительно:

– Подарила Она мне на память иголку... Костяную еще иголку, совсем не такую изящную да гладкую, как нынешние. – И Василию вдруг все стало ясно, так, как бывает ясно только подросткам, для которых все ново и все ярко. «Вот, – подумал подросток, – Вот с тех пор он и стал интересоваться иглами, может быть, даже коллекционировать, книги эти дурацкие покупать о происхождении швейной иглы. То есть думает, что иглами интересуется, а сам все о Ней вспоминает, и забыть никак не может. И также стало очевидно Василию, что Максим Константинович – действительно старик, глубокий старик, может быть, даже тысячелетний.

23. Все дальше от берега моря

Максим Константинович затянул завязки на своем рюкзаке, как-то щегольски забросил его за спину и сказал:

– Ну, что, пошли отсюда. Не нравится мне это синее море, какое-то оно недоброе. И вспоминаются тут все события грустные, не душегреющие.

И четверка вновь углубилась в пески. Только почему-то, чем дальше они шли, тем меньше это было похоже на пески. Появились чахлые кустики, потом колючки, потом и зеленая трава, и вот уже вокруг моих спутников волнуется необъятная степь, пахнувшая чабрецом и донником.

Долго идти молча удобно, конечно, – дыхание не сбивается, ноги споро бегут, голова лишними мыслями не смущена.... Но скучно. Опять же, Василию любопытно, страсть: что за иголка, что за Она, и кто такой все-таки этот таинственный Максим Константинович.

А маг вне категорий, словно слыша его мысли, и отчаянно не желая отвечать на неудобные для себя вопросы, заводит разговор совсем о другом. И о таком важном и неожиданном, что у подростка все любопытство куда-то исчезает.

Проводник оглядывается на Хэма, споро шагающего рядом, и говорит строго:

– Так, на всякий случай, вдруг и не доведется уже больше об этом поговорить. Ты пса-то своего зачем обидел?

Хэм смотрит недоуменно.

– Ну, вот воли ты ему почему не даешь, взаперти зачем держишь? Ты уже третий год человеком живешь, а ведь все-таки, ты – собака.

Хэм пытается возразить, но старик смотрит так сурово, что мысль оборотня сбивается, и он только неопределенно машет рукой.

– Ты пойми, друг, ведь ему тоже хочется порезвиться, погулять, повыть на луну, наконец! А ты его запер внутри себя, ему там тоскливо и страшно. Вот сердце у него и не выдержало...

– Так что получается, – раздумчиво говорит Хэм. – Даже теперь, когда я могу быть человеком сколько угодно, я все равно не могу все время оставаться человеком?

Маг кивает.

– Раз в месяц давай ему свободу. Ему ведь много не надо – полдня, и он будет доволен, и заснет спокойно до следующего раза.

Василий потрясен. Выходит, обратный оборотень Хэм теперь должен жить, как оборотень обычный и ежемесячно становится снова псом. Ну, и дела!

24. Река Смородина

Летний вечер в степи прекрасен и полон романтики. И герои мои шли сквозь траву с легкостью (вероятно, потому что дело происходило в сказке – только в сказке легко идти через жесткую, вообще-то, и неуступчивую степную растительность).

Внезапно проводник повел носом, глубоко вдохнул и сказал:

– Вон оно что!

– Что, – встрепенулся размышлявший о своей непростой судьбе Хэм.

– Чуете?

Василий набрал полную грудь воздуха, Хэм принюхался по-собачьи, а Семен Семенович, едва заметный среди ковыля в своем пестром образе тигра, облизал нос.

Пахло остро и знакомо. Пахло так, как в детстве, когда Василий играл с родителями в прятки и пробирался сквозь ароматные кусты...

– Смородина! – закричал подросток.

– Да, – кивнул Максим Константинович. – Именно она, река Смородина.

– Река? – Василий вытаращил глаза.

– Ну да, река. Ваши филологи утверждают, что это река между царством живых и мертвых, и названа она так, от то-

го, что страшно смердит, то есть воняет. Эх, – маг потряс печально головой, – понимали бы что! На самом деле, это река между тридесатым царством и царством... – и осекся.

– Каким царством-то, – не удержался Василий.

– Забыл, – как-то неубедительно сказал маг. – Правит в этом царстве кто-то... Ведь должен же там кто-то править... Ведь не бывает царства без царя... Эх, проклятый склероз! – заключил весело старик, и стало ясно, что дальше эту тему развивать он не намерен.

– Получается, – заинтересованно сказал Хэм, – что мы почти пришли?

– Ага.

– Но ведь есть какая-то загвоздка, я чую, что есть!

– Ага.

– Так какая? – настаивал (и, добавлю, довольно невежливо настаивал) оборотень.

– Ну, – начал с неохотой Максим Константинович, – нам нужно только мостик перейти и там уже до конца мира рукой подать... – Помолчал и добавил. – И мостик-то не велик – речушка узенькая... Вот только мостик тот стерегут.

25. Кто там бродит у моста?

-Да кто стережет-то? – не выдержал многозначительной паузы, которую выдержал после своего волнующего сообщения маг, Василий. Вообще, надо сказать, что подростку уже очень надоела атмосфера таинственности, окутывавшая их проводника. То ли Василий подозревал, что ничего таинственного в поджаром старике нет, то ли побаивался, что в конце концов тот бросит их на краю мира без помощи и поддержки... В общем, не ждал он от этого мага вне категорий ничего хорошего.

Семен Семеныч, видя волнение подростка, подошел к Максиму Константиновичу и положил огромную лапу ему на бедро, как бы говоря: «Ну, хватит уже волынку тянуть – рассказывай!» И проводник рассказал.

Оказывается первоначально подряд на охрану моста через реку Смородину взял на себя обширный и уважаемый клан, в котором, по большей части, состояли чуды-юды. Но случилась незадача. Риски сторожей оказались слишком велики. Месяца не проходило, чтобы к реке не подъезжал какой-нибудь добрый молодец и не сносил очередному чуду-юде все девять голов одним махом. Когда потери превысили половину членов, клан отказался от ранее принятых обязательств и расторг договор.

Потом на довольно значительное время у моста поселил-

ся Соловей-разбойник. И все было бы хорошо, но он зазнался. Пользуясь силой волшебного посвиста, он вообще перестал пропускать кого-либо, что в одну, что в другую сторону. Купцы роптали, местные жители жаловались на самый верх, и наконец, утомленные сложившейся ситуацией власти велели Соловью убираться куда подальше. Тот, конечно, пытался сопротивляться, но на помощь был призван отряд баб-ёг, который совместными усилиями наслал на разбойника непрекращающийся понос, так что тот был вынужден бежать с позором.

Затем у моста поочередно селилось несколько троллей. Охранники они были так себе, потому что мало-мальски смекалистый путник легко обводил их вокруг пальца, но вид имели внушительный и вообще создавали впечатление надежной стражи. Потом в стране троллей что-то случилось, старый тролль ушел разбираться, а новый так и не пришел.

И тут началась катавасия. Кто только не брался охранять переправу! Разнообразные волшебные животные, от единорога до морского змея, которому не пришлась по вкусу речная вода, и который удрал обратно в первый же день, не забыв прихватить с собой жалованье за полный месяц. Даже призраки стерегли мост. Оказывается, большинство добрых молодцев очень суеверны, и поэтому вид завывающей прозрачной фигуры отпугивал их куда эффективнее, чем реальные страшили. «Но призраки, – сказал маг грустно, – предпочитали сторожить мост по ночам. – Так что весь белый

день тут шлялся кто ни попадя и безнаказанно творил всяческие пакости»

– Так кто же сторожит мост сейчас? – попытался еще раз добиться от хитрого старика правды Василий.

– А кто его знает! Сейчас подойдем – посмотрим, – отвечив тот и для убедительности приложил к глазам руку козырьком, что было совершенно ненужно, поскольку они уже подошли так близко, что прекрасно видели и саму реку Смородину, и довольно хлипкий мост через нее и того, кто грозно возвышался, перекрывая подходы к мосту и сверкая в лучах вечернего солнца алмазами на крепкой броне.

26. То ли сторож, то ли вор

А вы замечали, любезные мои читатели, что авторы имеют пренеприятную манеру прерывать повествование на самом интересном месте и пускаться в философские размышления о судьбах героев, отечества и мироздания в целом, когда ну так хочется знать, чем же кончится схватка между черным рыцарем и героем, и вернет ли королева свою алмазную диадему, уклонившись тем самым от позора, и сможет ли несправедливо осужденная прекрасная девушка избежать сожжения на костре.

Но я не такова. Поэтому без лишних слов сообщаю, что перед мостом возвышался самый настоящий золотой дракон, и каждая сотая чешуйка на его броне была украшена бриллиантом чистой воды весом не менее десяти каратов.

– Вот те на! – сказал удивленный проводник. – Такого я еще не видывал. Позволь спросить, – заорал он во весь голос, отвесив сперва дракону весьма вежливый поклон. – Как давно ты сторожишь этот мост, и каковы будут твои условия? Что прикажешь нам сделать? Поиграть с тобой в древнюю и уважаемую игру в загадки, или привести тебе сотню прекрасных дев, или пообещать тебе половину добытых нами сокровищ?

Дракон рассмеялся:

– На что мне половина? Не за половиной я пришел, а за

всеми богатствами этой страны. Довольно уже тебе одному владеть столькими ценностями и извлекать неисчислимые выгоды из твоего географического положения, о... – тут дракон осекся и хитро посмотрел на Максима Константиновича. – Впрочем, я вижу, что ты тут выступаешь инкогнито. И, возможно, даже не захочешь биться со мной в честном бою. Впрочем, по-моему, ты никогда ни с кем и не бился в ЧЕСТНОМ бою.

Маг хмыкнул и неопределенно пожал плечами.

– А позволь тебя спросить, – обратился он по-прежнему вежливо к дракону, – ты планируешь, что ли, сам воцариться тут, на краю земли, или унести все сокровища этого царства с собой? Так, скажу тебе, сокровищница здешнего повелителя так велика, что вряд ли и тебе со всей твоей силой...

– Моя утроба не меньше любой сокровищницы! – прервал его дракон. – Да будет тебе известно, о великий хитрец и обманщик, что я могу поглотить тысячи тысяч пудов золота, и драгоценных камней без счета, и все это уместится в моем бездонном брюхе, и крылья мои все еще будут в состоянии унести меня домой.

– Да, – погрузился проводник, – все это вполне вероятно. – Впрочем, может быть, ты расскажешь нам свою историю, как то принято между встречными в тридесятном царстве?

– Вот еще, – прогрохотал дракон, – стану я с тобой разговоры разговаривать!

И маг призадумался.

27. И ввысь он вознесся

Маг, пребывая все в той же задумчивости, скинул с плеч рюкзак, опустился на корточки и принялся копать в его содержимом. Золотой дракон смотрел на него с презрительным снисхождением. Вот из рюкзака извлечена книга, вот куртка Василия, вот бархатные штаны, слоновое седло, какой-то непонятный свернутый кусок ткани, китайский термос, разукрашенный хризантемами, складной зонтик, два зеленых яблока, смятый полиэтиленовый пакетик, пахнущий чем-то жирным и острым. Э, да это же тот самый пакетик, в который были упакованы чудесные пирожки Кондратьевны! Старик развернул его, а дракон, потянув воздух, проворчал:

– Вкусно пахнет! Сердечком и печеночкой и еще какой-то травкой. В ней-то весь и вкус!

Лицо старика прояснело:

– А что, если, – не вставая с корточек, спросил он весело, – я предложу тебе сокровище, какого нет ни у кого больше в мире? Драгоценность, достойную царя царей и повелителя повелителей?

Дракон фыркнул:

– Конечно, у тебя все может оказаться в твоих кладовых. Но вряд ли тебе есть чем меня удивить: я уже долго живу на свете и видел многое, если не все.

– А такое видел? – и Максим Константинович поднял над

головой жемчужное ожерелье русалки.

Дракон замер, вытянув шею, трепеща крыльями и глубоко втягивая воздух ноздрями.

– Ключи к потерянным душам! – наконец выдохнул он, – целых сто тридцать два ключа! Откуда у тебя такая ценность?

– Ну, – старик еле заметно улыбнулся, – свою историю ты нам рассказывать отказался, вот и мы тебе своей не поведаем. Предлагаю обмен: я отдаю тебе ожерелье, а ты убираешься из здешнего царства и больше не появляешься тут никогда.

– Согласен! – немедленно сказал дракон и протянул когтистую лапу.

Получив сокровище, он тут же отправил его в пасть, проглотил, а, проглотивши, рассмеялся:

– Хитер ты, старик. Но я хитрее! И ожерелье будет моим, и все твои сокровища тоже. Если только найдется у тебя витязь, готовый со мной сразиться... – Тут Хэм выступил было вперед, но проводник остановил его запретительным движением руки.

– А я вот посижу и посмотрю, как ты это сделаешь, – сказал он дракону и принялся укладывать извлеченные из рюкзака вещи обратно.

– Ха! Да уж не сомневаешься ли ты в моей силе, – воскликнул раздосадованный дракон и, горделиво расправив крылья, взвился стрелой в небо. – Посмотри, разве я не ужа-

сен? Разве я не величественен?

И тут произошла воистину ужасная и величественная вещь: дракон побелел, словно раскалился, засиял ослепительным светом и обратился в сверкающий шар, затмивший собой солнце. И этот шар вдруг взвился и, продолжая сиять, скрылся высоко в небе, где исчез, как исчезают на рассвете самые яркие звезды.

– Что это было? – спросил Василий.

– Души воссоединились со своими ключами, – ответил старик. – Странно, но мне показалось, что он был похож на ангела. На сияющего вечной славой серафима. – Маг помолчал и тряхнул головой, словно отгоняя неуместные мысли, – Впрочем, какой он, к черту, ангел! Обычный дракон. В меру крупный. В меру жадный. В меру хитрый. И в меру коварный. Ну, пошли, что ли?

И они пересекли мост.

28. За мостом, в неведомо чьем царстве

И невелик вроде мост, а идти по нему долго. Причем где-то посередине мои герои погрузились в плотный туман, густо пахнувший смородиной, а когда туман рассеялся, увидели, что мост кончился, и стоят они перед дубом. Перед зеленым дубом, если точнее выразиться. Вокруг дуба вилась цепь. Златая цепь, если точнее выразиться. А по цепи гулял... Нет, не гулял по цепи, а лежал на толстой дубовой ветви, свесив лапы и хвост (точь-в-точь как в саванне на деревьях лежат леопарды) огромный кот. Видимо, то был кот ученый. Шерсть у кота была необыкновенная: половина шерстинок шелковая, половина серебряная, отчего шкура его переливалась в лучах солнца и казалась необыкновенно привлекательной.

Кот, увидев Семена Семеновича, заорал бешено:

– Контрабанда! – спрыгнул с дерева и бросился в драку. Но драки не случилось. Семен Семенович, то ли от неожиданности, то ли что-то имея себе на уме, обратился не в слона, как можно было бы ожидать, а в птицу. В крупную птицу. В африканского страуса, если говорить всю правду. И страус этот явно намеревался дать своей мощной лапой пинка приближающемуся ученому коту. Ну, кот на то и ученый, чтобы

сообразить все последствия и вовремя остановится.

К тому же Максим Константинович, все это время наблюдавший за котом ласковым взглядом, вдруг сказал мягким нежным голосом:

– Да ладно тебе! Разве не видишь – я с ними. А со мной ведь можно? – и подмигнул сначала левым глазом, а потом, для верности, правым.

– С Вами можно, – согласился кот. – А зачем пожаловали?

– Хотим добыть плод с дерева жизни.

– Ну, ты же правила знаешь?

– Что-то запамятовал.

– Только тот может сорвать волшебный плод, кто крепко стоит на земле и кто прошел огонь и воду.

– Ну, допустим, мой герой такой. Дэв его в землю не вбил, русалка красотой не соблазнила, и дракон силой не устранил.

– Но есть еще одно условие. Вроде как необязательное, но необходимое.

– Какое же?

– Одиноко мне тут. Край мира, понимаешь... Добираются сюда немногие, а те, кто добираются, обычно скучные собеседники. Им бы мечом помахать, да копьём потыкать. А я люблю культурный разговор.

– И что?

– Что-что? Сказку давай! Невиданную историю, которой я еще не слышал! – изложил, наконец, свое требование кот

и свернулся клубком, насторожив уши.

Максим Константинович посмотрел на Хэма. Хэм был растерян – он никаких сказок не знал, и удивительных историй тоже. А вот Василий просто из кроссовок выпрыгивал, так ему хотелось высказаться.

– Ну, начинай, что ли, – кивнул ему маг.

И Василий начал:

– Однажды в семье одного мальчика появился щенок. Мальчик был обыкновенный, а щенок – необыкновенный. И выяснилось это так...

29. Скоро сказка сказывается...

Василий рассказывал историю обратного оборотня совсем не так, как ее рассказывала вам я, любезные читатели. Во-первых, потому что я – автор, а автор знает о своих героях значительно больше, чем они сами о себе знают. Во-вторых, потому что был подросток, а подростки не сильны в описании чувств. А в-третьих, потому что торопился – уже заметно вечерело, и надо было в самые короткие сроки добраться, наконец, до дерева жизни и добыть его плод. Зато Василий компенсировал скудность своего языка мимикой и жестами. Он скорчил такую страшную рожу, описывая ярость вампира Владиса, что ученый кот выгнул спину и зашипел. Он весьма выразительно изобразил, как Оомия смеется, закрывая изящно рот ладошкой. И вызвал аплодисмент Хэма, когда показал, как оборотень забил дэва по пояс в землю.

Наконец, рассказ был кончен. Кот ученый потянулся, зевнул и сказал важно:

– Ну, что ж. Рассказ в целом интересный. Чувствуется влияние классики. «Русалочка» там, «Спящая красавица», «Василиса прекрасная»...

– Причем тут Василиса? – сурово взглянул на кота маг.

Кот задумался, почесал задней лапой за ухом и ответил:

– Ну, как причем? Там баба-яга помогала Ивану-царевичу, а вам помогают эти две старушки.

– Кондратьевна – вовсе не баба-яга! – вступился за соседку Василий. – А Марья Михайловна, конечно, ведьма, но не до такой же степени!

– Молод ты еще о филологии рассуждать! – буркнул кот. – В общем, подходящая сказка. Можете забирать, – и он махнул лапой в сторону дуба.

Первым сообразил Хэма.

– Так что, – удивленно сказал он, – это и есть дерево жизни?

– Угу, – кивнул кот.

– А плоды дерева жизни, значит, желуди?

– Угу.

Василий нервно хихикнул.

А Хэм полез на дуб. Лезет-лезет, а ствол все длиннее и длиннее. Старается и старается дотянуться, а ветки все дальше и дальше. «Тьфу ты, – думает Хэм, – все-то тут не как у людей, все-то с хитростью!» И представилось ему лицо Даши, вот она спит в обнимку с Хэмом-собакой, а солнце все больше склоняется к западу, комната наполняется длинными тенями, и уже совсем немного времени осталось, чтоб ее спасти... И рванулся оборотень из последних сил, смотрит – а он уже далеко среди ветвей и прямо перед его носом болтаются два спелых золотистых желудя с кофейными чашечками... Сорвал, и скорее вниз.

30. Страшная—страшная тайна

Между тем внизу тоже собирались. Максим Константинович вытащил из своего необъятного рюкзака куртки и сапоги, отобранные в самом начале странствия, а также (вот удивился Василий) переноску Семена Семеновича.

– Этого, – кивнул маг в его сторону, – спрячьте. Все-таки контрабанда. А меня с вами на обратном пути не будет.

– Как не будет? – удивился Василий.

– А так. Вот уйдешь всего-то на пару дней, а тут уже появляются всякие, претендуют на скопленное за долгие годы... Кстати, а с Лейлой вы видите?

Подросток рассказал, что ламия ведет теперь светский образ жизни, и они вообще не общаются, хотя Хэму она иногда присылает корзины с экзотическими фруктами, окорока и пряности, как будто думает, что тот не доедает.

Маг усмехнулся.

– Да нет. Это обычай такой – жаловать со своего стола... Ты не поймешь... В общем, найдете способ передать ей, чтоб больше меня по пустякам всяким не беспокоила. Я считаю, что мы квиты. А перстенок может себе оставить. На память, хе-хе... Ну, мне пора.

И старик ткнул костлявым пальцем куда-то на восток, где тут же образовалась вихрящаяся черная дыра. «Портал!» – сразу догадался умудренный компьютерными играми Васи-

лий. Маг же между тем повернулся лицом к заметно уже спустившемуся солнцу и ткнул пальцем уже на запад. На западе засветился другой портал, очень красивый, голубой с золотыми блестками.

Максим Константинович между тем пожал руку спустившемуся Хэму, не пропустил и Василия, погладил по голове подбежавшего Семена Семеновича, махнул на прощанье, бодро шагнул в черную дыру и исчез.

Подросток оглянулся, убедился, что старика точно рядом нет, и бросился к коту ученому:

– Ну, только быстро: кто это такой?

– Что, так и не догадались?

– Да не томи!

– Ну, вы и простаки! Это ж сам – тут кот прошептал прямо в ухо Василию что-то вроде «Чх-чхи»

– Кто-то?

– Да Кощей это был, собственной персоной! Царь здешнего царства на краю мира, между прочим! – возмутился кот.

– А почему тогда Максим Константинович?

– Потому что он такой. И величайший, и неизменный, – кот хмыкнул. – Много у него псевдонимов. Как ты вообще себе представляешь, он бы знакомился в вашем мире? «Здравствуйте, я Кощей»? Вряд ли на такое кто ответит: «Очень приятно». – Кот почесал подусники и лениво добавил: – А вам, кстати, пора. У вас и остался-то всего час.

Как, всего час? Хэм схватил переноску с уже забравшим-

ся в нее Семеном Семеновичем, Василий подобрал обувь и одежду, и как были, в летних футболках и кедах, они ввалились в голубой портал.

31. Снова дома

Очень непредусмотрительно они поступили! Кто знает, куда бы их вывел волшебный проход? Может, очутились бы они прямо посередине Павловского парка по пояс в снегу? Но маг вне категорий сделал им напоследок подарок – отправил их в место, из которого удобнее всего добраться до родного дома. А что это за место в Санкт-Петербурге? Конечно, метро!

Вывалились они прямо в вестибюль станции «Маяковская», налетев с размаху на группу китайских туристов, которых в нашем городе сейчас пруд-пруди, а летом еще больше будет. Вывалились, и сразу подошел поезд. В куртки да сапоги одевались уже в вагоне, ловя на себе неодобрительные взгляды старушек и заинтересованные взгляды девушек. И девушки, кстати, как с удивлением заметил подросток, смотрели не только на статного красивого Хэма. На Василия они тоже посматривали, и посматривали с удовольствием. И, конечно, у него снова налилось краской лицо и запылали уши!

Вот и «Елизаровская». А солнце-то уже скрылось за крышами, уже посылает оттуда прощальные красные лучи! Бегом, бегом! Хэм на бегу передал переноску другу, крикнув: – Звони туда! Пусть окно открывают! – и припустился со всем уж скоро, не догонишь.

Василий остановился, подумал и набрал потными пальцами номер.

– Да, внучок? – раздался в трубке голос доброй старушки.

– Открывайте окно в комнате, Хэм через окно войдет! – а Хэм уже подлетел к дому и стал карабкаться прямо по стене, впиваясь руками в выступы кирпичей.

Кондратьевна недолго думала. Она вообще была шустрая старушка.

– Тут они, сейчас будут, – сказала она Марье Михайловне, сидевшей у дивана и Оомии, которая читала что-то в своем планшете, и подошла к окну. Окно было старое, скрипучее, деревянное, и, конечно, открывалось туго. Кондратьевна глубоко вздохнула и рванула раму – первая створка открыта. Но за ней – другая, и к ней уже прижимается взволнованное лицо Хэму. Еще один глубокий вздох, скрип, треск – и оборотень, перемахнув через подоконник, оказывается в комнате. Достает из кармана два желудя на одной веточке, бросается к дивану и подносит плод дерева жизни к ноздрям ослабевшего пса.

В это время солнце покидает Санкт-Петербург. День закончился.

32. Все хорошо, что хорошо

Василий тоже бежал со всех ног, но, конечно, не мог догнать оборотня. Так что он видел, как тот карабкался по стене, словно заправский скалолаз (а впрочем, учитывая его профессию промышленного альпиниста, так ведь оно и было?). Впечатляющее зрелище!

Все еще впечатленный, он взлетел по лестнице на пятый этаж, где его уже ждала в дверях Кондратьевна, и, не снимая обувь, влетел в комнату. На диване сидела несколько сонная Даша, а радостный (и вполне здоровый!) Хэм носился по комнате, яростно виляя хвостом и тыкаясь в колени то Оомии, то Марье Михайловне. А учуяв Василия, набросился и на него и в прыжке лизнул в самый нос.

– Я ничего не понимаю, – озабоченно сказала Даша, – проснулась от того, что пес мне в лицо мокрым носом тычется. Прямо в губы, негодяй такой! Расскажи хоть ты, почему он не человек?

И Василий рассказал всю историю, особенно упирая на то, что псу-Хэму тоже надо давать иногда волю, чтобы опять не случилось несчастья.

Потом, конечно, позвонили домой. Трубку взяла мадам Петухова и, понизив голос, рассказала, что все в порядке и отсутствия Василия все еще никто не замечает, и из школы никто не звонил, и что она сейчас за ним заедет. И за Семе-

ном Семеновичем тоже, кстати сказать.

А потом случилось чудо! Оомия посмотрела на Василия своими чистыми добрыми глазами и сказала:

– Ты стал совсем взрослым. Так приятно было быть твоим другом, но, наверное, уже пора менять школу. Знаешь, конспирация и все такое... Все-таки я не человек, а вочеловеченное заклинание. Надо быть осторожной.

И Василию одновременно стало весело и грустно.

– Но я буду звонить. Иногда, – улыбнулась японка, покачала головой, словно фарфоровая статуэтка и исчезла.

Ну, никто ведь не знал, что она так умеет делать! Какая скрытная оказалась девочка!

В общем, тут мы их всех и оставим. Усталых (да-да, даже проспавшая весь день Даша устала, потому что это нелегкий труд – хранить жизнь своего любимого), взъерошенных (в зеркало некогда было посмотреть), голодных (впрочем, Кондратьевна, кажется, испекла для них большой пирог с курицей и грибами) и счастливых (надеюсь, тут ничего пояснять не надо).

Послесловие

Вы уже привыкли, что в послесловии я рассказываю о будущей жизни моих героев? Придется вас разочаровать. Дело в том, что эта история закончилась вот только что. Вот буквально прошлым вечером закончилась она, когда Василий закутался в одеяло, вздохнул, и подумал: «какой это был длинный день!» – и тут же уснул глубоким крепким сном человека, у которого нет долгов.